

МАНЕКЕН

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица

АЛЕВТИНА 40 лет

ВАРВАРА 40 лет

ПЕТР 40 лет

Пригород.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

* * * * *

... Женищина в синем выцветшем платье перепуганно бежит за мужчиной. В руках у нее хворостина, она ею потряхивает, словно вышла загнать расшалившегося молодого бычка.

А мужчина в черном костюме, который висит на нем, как мешок, в белой нейлоновой рубаше, в петушином галстуке всех цветов радуги. На голове лихо заломленная назад серая кепка, в уголке рта потухшая папироса. Не то пьян мужчина, не то просто перепуган до смерти, что впервые в жизни на люди приоделся в костюм с галстуком и потому напустил на себя развязность, уверенность, а сам, видно, страшно боится того, что делает...

Он идет - смеется. Зажигает спичку, прикуривает. Отмахивается от женищины, как от назойливой мухи. А она, простоволосая, бежит за ним, бежит, бежит...

Падает, коленки сдирает, плачет, размазывает слезы по лицу, грязные слезы...

Он идет по железнодорожному пути. Старается ступить на каждую шпалу, но иногда шаг его сбивается, на шпалу ступить ему не удается и потому он мотает головой, сердится на самого себя. Рельсы упираются в горизонт - туда, где садится солнце.

Синее небо, закат, зеленые деревья по бокам железнодорожного пути...

И музыка какая-то навязчивая, музыка, музыка... То ли динамики у кого стоят на окне и проигрыватель крутит пластинки, то ли оркестр какой в парке у реки играет...

По дороге, что рядом с железнодорожными путями, проехал автобус, битком набитый людьми. Это свадьба пьяная поехала веселиться, песни поет свадьба, кричит что-то в окна автобуса...

Автобус поднял пыль и засыпал ею новый пиджак мужчины, кепку, рубашку, галстук. Летит пыль в глаза женищине, прилипает к щекам. Пыль, пыль, пыль...

И их голоса - будто из глубокого колодца. Музыка слова заглушает. Только некоторые разобрать можно:

ОНА. Стой... Стой... Стой, сказала! Слышишь?! Не надо тебе туда идти, не надо, не ходи, ну?! Ну, не надо... Иди сюда, иди ко мне, иди домой, ну?! Кому говорю? Тебе говорю, нет? Иди, иди домой, мой любимый, не бросай меня, мой хороший... Куда ты пошел, куда?! Ну, чего тебе надо там, чего?! Чего вырядился, чего вот ты вырядился?! А? Вот хоростинкой тебя сейчас, хворостинкой, слышишь? Иди домой, сказала, иди, ну?! Слышишь ты меня или оглох?

ОН. (весело.) Пошла! Пошла! Пошла!..

Она перебегает то на одну, то на другую сторону железнодорожного пути. Опять падает, встает, поправляет платье, бежит за ним...

ОНА. Ты чего это надумал? Куда ты идешь?! А?! Чего тебе надо там, чего?! Ну, скажи толком! Там ты никому не нужен, слышишь, никому, слышишь?

ОН. Пошла... Пошла! Пошла!

ОНА. Чего вырядился, дурень старый! Ты ведь не мальчик, не мальчик уже бегать-то так, не пацан какой, не юноша, слышишь, ну?! И я не девочка носиться тут за тобой, уговаривать тебя, слышишь?! Иди домой, ну?! Ну, что ты как жеребец какой, что ты делаешь, что, что?! Да кто там на тебя посмотрит-то, кому ты нужен-то, ну?! Кому нужен, кроме меня? Не нужен ты! Никому! Не стыдно?

ОН. Пошла! Пошла! Пошла!

ОНА. *(трясет хвостиком.)* Иди, иди, ладно! Сходи, попозорься, досыта! Посмотрю я на тебя, посмотрю я, как тебя оттуда вышвырнут! Пинком выставят, попомни мои слова! Бегом назад побежишь, да поздно будет уже! Бесстыдник ты, бесстыдник! Иди, иди...

ОН. Пошла! Пошла!

ОНА. Люди добрые, поглядите на него! Бесстыдник какой! Иди домой, ну? Быстро! Кому сказала?! Не позорься ты, не позорься!

ОН. Пошла! Пошла! Пошла!

ОНА. Господи, да что же это такое с тобой стало? С ума сошел, что ли? Иди домой, милый, прошу тебя, миленький мой, хорошенький мой, иди домой! Ты обо мне подумал или нет? Не думаешь? Иди, иди, иди домой! Ну?! Кому сказала?!

ОН. Пошла! Пошла! Пошла!

ОНА. Да что же ты делаешь, что, что, что?! Иди домой, иди домой! Иди!

ОН. Пошла!

Мужчина курит, смеется. Упорно идет по рельсам вперед - туда, где садится солнце.

Она - в синем платье, он - в черном костюме.

Идут, будто связанные веревочкой...

Так и исчезают оба...

* * * * *

Первая картина.

Вечер. Около десяти часов. Лето. Садится солнце. На танцах в заводском клубе играет музыка.

Огромный забор. За ним какие-то здания, столбы, провода. У забора возле дома кусты лопуха, бурьяна.

Еще у забора двухэтажный дом - маленький, неаккуратно обитый досками, которые покрашены в синий, в белый и в зеленый цвет.

В доме всего восемь квартир. Потому он так и называется: «Восьмиквартирный». На нижнем этаже живет АЛЕВТИНА и еще три семьи. А над ее, Алевтиной квартирой, обитает ВАРВАРА. Туда к ней ведет лестница. Лестница продолжается еще выше, на крышу. На крыше топорщится телеантенна, стоят электрические столбики.

У дома клумба, на ней звезда, выложенная кирпичом. По периметру клумбы - тоже кирпичом, но только белого цвета - выложена надпись: «Слава труду!» На доме табличка, которая, видно, когда-то свалилась с проходившего мимо поезда. Кто-то подобрал табличку, а другого места, кроме как над крылечком, найти ей не смог. На табличке надпись: «МОСКВА-УЛАН-УДЭ».

На клумбе желтеют хилые ноготки.

Слева от дома кочегарка. Она почти выросла в землю, да еще и углем забросана со всех сторон, до крыши. В кочегарку ведет крохотная дверь. Рядом - огромная труба стоит из красного кирпича. На трубе желтой краской сверху вниз по одной букве полусмытая дождем надпись: «Слава....» От кочегарки до дома бельевая веревка. На ней сушатся тряпки. Во дворе скамейка, детские качели. Справа от дома две березы - старые, с толстыми узловатыми ветвями...

Где-то пьют и орут...

В квартире Али сидят АЛЕВТИНА и ВАРВАРА - подружки сорокалетние. В комнате Али стол, стулья, кровать, телевизор - все самое необходимое. Да больше и не уместится. Одна комната - большие нету. Тут и кухня, и ванная - все вместе. Над столом Али висит вымпел «Ударнику коммунистического труда». Работает телевизор. Аля и Варя выпивают.

АЛЯ. Слушай, Варька, а что вот такое все говорят: доллар? Доллар, доллар... Это что - золото?

ВАРЯ. Доллар - деньги. Здрасьте.

АЛЯ. Ну да, деньги. Говори, как же.

ВАРЯ. (глядя в телевизор, настойчиво.) Доллар - деньги.

АЛЯ. Ну, а если деньги, что ж тогда везде говорят: «На доллар можно все купить?» Ну? Вот так. Доллар - значит: золото. Поняла?

ВАРЯ. Доллар - деньги.

АЛЯ. (стукнула по столу.) А я тебе говорю, что доллар - это золото. Спорим? Ну, спорим?

ВАРЯ. Кто спорит, тот говна не стоит. Вот так. Я говорю - деньги.

АЛЯ. Дак ты ничего не понимаешь, дак ты и говоришь так. Деньги. Деньги, деньги! Ага, деньги. Говорят - золото. Нет, она - свое!

ВАРЯ. (помолчала.) Слушай, Алевтина, ты признайся мне честно, кто ты по национальности, а?

АЛЯ. Здра-асьте! Я - русская!

ВАРЯ. Русская ты, гляжу. Ага, русская. Русская - задница узкая. Признавайся давай честно, что ты - татарка, ну? «А-лев-ти-на» - вот это же татарское имя, ну? А-лев-ти-на... Татарское, точно. И глаза у тебя, смотрю, такие раздвинутые, скоса.... Татарка, ну, признавайся, татарка, ну, да? Татарка?

АЛЯ. Да сама ты татарка, сама!

ВАРЯ. (завелась, закричала.) Алька, признавайся добром! Или, если я от людей узнаю, а не от тебя самой, то тебе еще в сто раз хуже будет... Тебе еще в триста раз хуже будет! В пятьсот, в тысячу, в миллион! Ну, признавайся по-хорошему: татарка, да?

АЛЯ. Да что ты ко мне привязалась? Чего тебе надо? Да ты сама, сама татарка! Вылитая! Посмотри на себя в зеркало вон! У тебя у самой к старости глаза вот так вот выкатываться начали, как у всех татарок! Строит тут из себя русскую! Сама косоглазая, а на меня валит! Посмотри, посмотри на себя, а потом говори мне...

МОЛЧАНИЕ.

(смотрит телевизор, ест печенье, зыркает на Варвару, злобно уставившуюся в экран телевизора.) Ишь, кричит! И что тебе такого татары сделали, что ты на них на всех кидаешься, что-о?

ВАРЯ. (вскочила, кричит.) А-а-а-а! Призналась! Призналась! Татарка! Татарка! Татарка!

АЛЯ. (кричит.) Отвали от меня, сказала! Отвали, моя черешня! Отвали, привязалась! Отвали, ну?!

Варя выдохнула, села, смотрит телевизор, сжимает зубы.

МОЛЧАНИЕ.

Варя стукнула со всей силой по столу кулаком, аж стаканы подпрыгнули.

ВАРЯ. Ненавижу татар!!! Ненавижу!!! Мне татары всю молодость мою истоптали!!! Всю мою кровушку мне татары с молодости выпили!!!! Ух, как они мне кровушку попортили!!! Ух, как я их ненавижу!!! Ух, как ненавижу!!! Татары!!! Татары!!!

МОЛЧАНИЕ.

(Снова стукнула по столу.) И Леня-Лида был татарин! Чувствую я это! Чувствую! Чувствую вот!!!

АЛЯ. *(тихо.)* Заткнись. Что-то ты сегодня разошлась чересчур... А то смотри, я тебя быстро остужу сейчас...

Варя испуганно замолчала. Смотрят телевизор.

Варя вдруг пронзительно завизжала, толкнула от себя руками стол, чуть со стула не упала. Аля тоже визжит. Молчат обе, смотрят друг на друга, схватившись руками за сердце.

АЛЯ. *(шепчет.)* Ты чего? Чего это? Чего ты? Чего? Чего?!

ВАРЯ. *(смеется, машет руками на лицо.)* Ой, Господи... Кошка твоя между ног пробежала... Фу, как напугала, сучара такая... Да на что ты ее держишь, заразу такую! От нее ведь блохи одни, тьфу! Напугала как, мерзавка, гадина, тьфу, тьфу!..

Аля ползает под столом, находит кошку, берет ее на руки, тоже смеется.

АЛЯ. Масинька моя, перепугалась больше тебя... Да? Да? Больше тетки этой перепугалась, масинька, да? Ты как запалошная, ей-Богу... То сидит - молчит, молчит, то орет дурниной... Ну, ходит, ходит. Пусть ходит. Она тебе мешает, что ли?

ВАРЯ. Мешает! Мешает! Знаешь, как страшно? Как шмыгнула вот, как вот так вот провела по ноге шерстью, у меня аж мурашки по коже пробежали! Идиотка она, твоя кошка! Тьфу!

Обе долго смеются. Аля баюкает кошку. Смотрят телевизор.

АЛЯ. Ешь печенье. «Мозайка» называется.

ВАРЯ. Мозайка. Мо-за-и-ка.

АЛЯ. Мозайка. Дед Мазай был. Ну вот. В кулинарке купила. Написано: «Мо-за-й-ка»!

ВАРЯ. Лишь бы спорить. Мозайка!

АЛЯ. А я говорю: «мозайка»! Не командуй тут, в моей квартире.

ВАРЯ. *(вздыхнула, молчит, смотрит телевизор.)* Это какая страна?

АЛЯ. *(ест печенье.)* Корея. Ко-ре-я!

ВАРЯ. *(испуганно.)* Это они собак едят?

АЛЯ. Они.

ВАРЯ. У-у-у, какие морды ненавистные! Так и смотрят, так и смотрят...

АЛЯ. Не говори...

ВАРЯ. На татар похожи. Вылитые все татары. Точно, на татар! Татары - татары они и есть. Во всем татары виноваты. Точно.

АЛЯ. В чем - во всем?

ВАРЯ. *(уверенно.)* Во всем.

Пауза. Едят печенье, смотрят телевизор.

Я ходила на день рождения когда, в том году, к Капустиной... Да знаешь ты ее, она со мной в теплице работает. Бригадир наш. Пришла я к ней, как к путевой, с подарком. Стакан взяла, пью и говорю громко всем: «Выпьемте, товарищи, чтоб всем татарам плохо стало, чтоб они все повыздыхали! Чтоб они все окочурились, говорю, бы все! «А Капустина, смотрю, смо-о-орщилась вся, недовольная такая вся стала. А потом я узнаю, что она татарка.

АЛЯ. Капустина?

ВАРЯ. Капустина.

АЛЯ. Татарка?

ВАРЯ. Татарка.

АЛЯ. Не похожа, вроде...

ВАРЯ. Похожа. Самая настоящая Мулима. У ее ребенка уши торчали, когда он маленький был. Так она, знаешь, что сделала ему?

АЛЯ. Не знаю.

ВАРЯ. Она ему уши лейкопластырем приклеила к затылку. Чтоб они у него не торчали.

Смеются.

АЛЯ. Уши? Лейкопластырем?

ВАРЯ. Уши. Лейкопластырем. Татарка, что сделаешь...

АЛЯ. Ей бы самой бы уши лейкопластырем приклеить бы!

Хохоцут.

ВАРЯ. Давай, твоей кошке уши приклеим, чтоб не торчали?

АЛЯ. *(хохочет, вытирает слезы.)* Ага, дам я тебе! Масинька, иди сюда ко мне, а то тетка еще и правда приклеит!

Пустила кошку на пол. Налила вино в стаканы. Выпили молча, чокнувшись.

ВАРЯ. Мы с тобой алкашки, ага?

АЛЯ. Алкашки?

ВАРЯ. Как суббота - у нас с тобой бутылка. Алкашки, значит.

АЛЯ. Ну да, алкашки. Мы работаем. Мы можем себе позволить по субботам. Понемножку. Алкашки не такие. Алкашки другие. Тоже, придумала. Алкашки говорит...

Встала, погладила вымпел «Ударнику коммунистического труда». Села.

Слушай, Варька, а с пятницы на субботу сбываются сны или нет?

ВАРЯ. *(смотрит телевизор.)* Смотря какие...

АЛЯ. Слушай, что мне сегодня приснилось...

ВАРЯ. *(топнула ногой.)* Брысь!

АЛЯ. Не трогай ее! Масинька, сиди там, не ходи сюда, тетка злая... У-у, злая какая... Вот мне приснилось сегодня, будто к нам с неба... *(Молчит.)* Нет, не буду рассказывать.

ВАРЯ. А чего?

АЛЯ. Да ты смеяться будешь.

ВАРЯ. Не буду, давай.

АЛЯ. Расскажешь потом всем, разболтаешь.

ВАРЯ. Не разболтаю. Давай!

АЛЯ. Ну, смотри. Не смейся только! Вот. Мне приснилось, будто к нам с неба во двор парашютист приземлился. Идет к нашему дому, улыбается... А я на улицу с мокрым бельем в тапике. А он - навстречу... И на колено становится вот так...

ВАРЯ. *(смотрит телевизор.)* Не сбудется.

АЛЯ. Почему? Почему это?

ВАРЯ. *(смотрит в окно.)* Он тут не сядет.

АЛЯ. *(встала, смотрит в окно.)* Почему это?

ВАРЯ. Его тут током обязательно стукнет и он на проводах зажарится.

АЛЯ. Вон там есть место - спустится.

ВАРЯ. Ага, как же. Ума у тебя - хрен да маленько.

Смотрят обе в окно, молчат.

АЛЯ. У тебя много.

ВАРЯ. Не надейся. Десанта с неба не будет. Зажарится - это верняк. Так что даже и не рассчитывай. *(Смеется.)*

Молчат. Где-то далеко играет музыка.

Из кочегарки вышел Петр.

Ему около сорока лет. Петр в шикарной кожаной куртке и в грязной рубашке, в таких же грязных сапогах, грязных штанах. На голове клетчатая кепчонка. Сел на лавочку возле кочегарки, щелкает семечки, смачно выплевывает шелуху.

Варя смотрит на Алю.

АЛЯ. Ну, что? Пойдем, подышим? Надоело уже это кино... *(Кивнула на телевизор.)* Одно и тоже... На крышу сходим, ну? Уже темно скоро станет...

ВАРЯ. Что-то во дворе у нас тихо как. Напились уже все, спят, что ли? Куда народ-то подевался?

АЛЯ. Суббота. Нам на руку. Пошли.

Аля выключила телевизор. Пошли на крыльцо. Петр увидел Алю и Варю, смеется.

ПЕТР. Старьи-и-и знакомьи-и-и-и! Здрасьте вам!

ВАРЯ. Тебя не спросили. Понял? Лезешь тут. Что хотим, то и делаем. Вот так и никак иначе. Ишь ты, пролетная голова какая...

АЛЯ. *(толкает Варю в бок.)* Пошли. Что встала-то?

Спустились с крыльца, пошли вверх по лестнице. Остановились возле Вариной двери на втором этаже.

ВАРЯ. *(потрясла замок.)* Надо покрепче закрывать двери-то. А то много таких тут ходит - обчистят и пикнуть не успеешь.

Идут по лестнице вверх, на крышу.

(ворчит.) Ненавижу таких вот людей. Смотрит - как раздевает. Чувствуешь? Нет?

АЛЯ. Чувствую.

ВАРЯ. Вот и я чувствую. Как раздевает будто. Ишь ты, хрен в отрепьях...

АЛЯ. Тихо ты. Не ругайся.

ВАРЯ. А что я такого сказала?

АЛЯ. Я говорю: противный до чего.

Петр сидит на лавочке внизу, смеется, плюет шелуху от семечек, наблюдает за Алей и Варей.

ВАРЯ. *(остановилась на лестнице.)* Чего он смеется? Что ты ему сказала? Ну?

АЛЯ. Да ничего я ему не говорила. Иди, иди, иди...

ВАРЯ. Не, ты сказала что-то!

АЛЯ. Да не говорила я ничего! Очень надо! Иди, иди давай, иди, чего встала-то на пороге?

ВАРЯ. Нет, ты ему что-то показала моей спиной! Чего показала, ну? Говори? Показывай мне тоже, ну?

АЛЯ. Да надо мне! Иди, иди, иди... Ну, что стоишь? *(Тихо.)* Да он снизу на нас смотрит и смеется, конечно! А ты застряла на дороге, как бомбовоз стоишь! Иди, сказала! Дурак он с приветом, вот и смеется!

ВАРЯ. *(кричит вниз.)* Эй ты! Посмейся еще тут! Дурак с приветом! Правильно вон она про тебя говорит! Лети с приветом, вернись с ответом, понял?

ПЕТР. Что-что? Что вы говорите?

ВАРЯ. Что слышал!

ПЕТР. Это что - тонкий намек на толстые обстоятельства?

ВАРЯ. *(Помолчала.)* Я вот морду тебе пошкарയാю - будут тебе «обстоятельства». Посмеешься мне еще тут.

ПЕТР. На каком языке вы говорите, не пойму? Мадам, вы на древнекельтском, что ли?

ВАРЯ. На татарском, понял?

АЛЯ. Ну, иди, иди...

Петр смеется. Закурил.

Аля и Варя забрались на крышу. Сели на свернутый трубкой матрас. Оглядываются. Смотрят из-под руки вокруг.

ВАРЯ. Ишь ты, какой. Растворил рот, как поп ворота... Смотрит, смотрит, смотрит... Ты внимания не обращай...

АЛЯ. А я и не обращаю.

ВАРЯ. Ну. Дятел. Что скажешь. Фу-у-у-у... Как хорошо тут. Как тут у нас красиво...

Молчат.

Полумрак во дворе и на крыше сгущается. В двух квартирах дома, у соседей Али и Вари зажглись окна светом. Ходят люди за занавесками, разговаривают. Музыка все также играет.

АЛЯ. (вдруг громко.) Люблю русскую природу!

ВАРЯ. А?

АЛЯ. Русскую природу, говорю, люблю...

ВАРЯ. А-а. А татарскую не любишь?

АЛЯ. Какую татарскую?

ВАРЯ. Ну где ты тут русскую природу увидала?

АЛЯ. Ну везде. Кругом. Вон там, вон там. И вон там тоже.

ВАРЯ. Ну, правильно, ну, да. Правильно. Пальцем в небо попала. Да природа - это наше богатство!

АЛЯ. Какое у нас с тобой богатство? Какое богатство?

ВАРЯ. Уй! Природа - это реки, озера, моря, пустыни, косогоры, холмы, еще вон эти - бугры!.. А тут - вон столбы, вон - дома, вон - поезда едут-идут... Слушай, он ведь татарин. Точно! Вылитый! Правда? Похож на татарина. И повадки у него, выходки все - татарские...

АЛЯ. Вроде - нет...

ВАРЯ. Да вылитый. (Кричит, свесив голову вниз.) Татарин! Эй, татарин! Эй, ну?

Обе хохочут, зажимают рты. Пауза.

Петр смотрит вверх, щелкает семечки.

ПЕТР. Что вы сказали?

ВАРЯ. Ничего. Проверка связи.

Хохочет, толкает Алю в бок.

Услыхал, отзывается. Татарин и есть. Татарская морда, у-у-у! Я ему кличку придумала. «Манекен». Здорово?

АЛЯ. Почему?

ВАРЯ. Манекены все такие. Они вот так вот и выглядят, они вот такие и есть. Манекен. Манекен! У них и руки такие, и ноги, и все остальное такое же...

АЛЯ. (смеется.) Не-ет. Манекенов показывали по телевизору - они там красивые, одетые...

ВАРЯ. (серьезно.) Ты не туда смотрела. Страшные, как смерть. Манекен и есть. Ма-не-кен. Ма-не-кен. Снаружи - манекен. А в башке - хрен да пшик!

АЛЯ. Да что ты все ругаешься: хрен да хрен?

ВАРЯ. Хрен - это растение. Растениями можно. Хрен - это неругательное. Вот так.

АЛЯ. Все равно не ругайся.

ВАРЯ. Да я же так, к слову. Чтоб тебе понятнее было.

АЛЯ. Я и так понимаю.

ВАРЯ. А я вижу, что ты не понимаешь!

АЛЯ. А я говорю - понимаю! Хватит растениями ругаться! Хватит! Сто грамм выпьет, а придуривается на рубль! И меня тут душой не выставляй! Я тебя совсем не боюсь, так и знай!

Петр взял палку, стучит ею по двери. Аля и Варя разом склоняют головы вниз, смотрят на Петра.

АЛЯ. А?

ВАРЯ. Чего ты?

ПЕТР. *(смеется.)* Ничего. Проверка связи.

Петр хохочет. Аля и Варя сели на матрас, молчат.

АЛЯ. Смех у него какой... Страшный, ага?

ВАРЯ. Манекены все так смеются. Будто нарочно. Будто им неохота, а они все равно смеются...

АЛЯ. Аж мурашки по коже пошли - такой смех...

ВАРЯ. Не говори. Манекеном и будем звать. Манекен и есть.

АЛЯ. Любка говорила - Эдиком его зовут.

ВАРЯ. Ка-ак?!

АЛЯ. Эдиком. Черте че. Только у нас в кочегарке в нашей Эдики не работали. Все, кто хочешь, были, а вот Эдики - не было еще!

ВАРЯ. Она откуда знает?

АЛЯ. Ходила к нему мыться в кочегарку. Веселая такая, смеялась. Я ее вчера встретила как с работы шла. Она мне и рассказала. Говорила: «Нравится мне ваш новый истопник...»

ВАРЯ. Что ж ты мне не рассказала?

АЛЯ. Да я забыла.

ВАРЯ. *(помолчала.)* Вот сволочь. Любка твоя - проститутка.

АЛЯ. Чего это она моя? Она мне такая же моя, как и тебе - твоя.

ВАРЯ. Ведь баня вон стоит - сходи, вымойся. Двадцать копеек ей жалко, что ли? Зачем она к нему пошла?

АЛЯ. В кочегарке душ. Да и рядом, ходить далеко не надо...

МОЛЧАНИЕ.

ВАРЯ. Помолчи, грамотейка. Ты сама туда, бывало, не шастала?

АЛЯ. Осталось мне только...

ВАРЯ. А чего же? С тебя станется. Сейчас все больные психиатром.

АЛЯ. И я тоже?

ВАРЯ. И ты тоже. И ты, и Леня-Лида твой такой же был, такой же...

АЛЯ. *(тихо.)* Замолчи, сказала, сегодня. Или плохо станет.

ВАРЯ. Ну, ну. А то ты сама не знаешь. Тоже, надулась.

Вдруг хохочет во всю глотку, качается из стороны в сторону.

АЛЯ. Ты чего это? Чего? Ну? *(Тоже смеется.)*

ВАРЯ. Ой, не могу! Не могу... Вспомнила... Вспомнила...

АЛЯ. Чего ты вспомнила?

ВАРЯ. Вспомнила, вспомнила.... Как ты объявление в газету давала - вспомнила... Ой, не могу, не могу, не могу...

АЛЯ. *(сердито.)* Давай, давай. Рассказала ей на свою голову... Чего ты ко мне пристала сегодня? Подковыривает... Вспомнила она... Вспомнила бабушка первую ночь...

ВАРЯ. *(умирает со смеху.)* Ой, не могу! Ну, надо же такое написать, а?

АЛЯ. Да тихо ты, сказала! Чего орешь? Вот ведь человек какой: сказала ей по секрету, просила молчать, а она всем растрепала, бессовестная, тряпочный телефон!

ВАРЯ. *(вытирает слезы.)* Нет, ну надо же, а? Пятьдесят рублей не пожалела, бухнула им туда, в ихний котел! Пятьдесят рублей! Ползарплаты! Ползарплаты считай что! И главное, написала: нужен человек, способный понять и способный на сострадание! Ведь это же надо такое придумать!

АЛЯ. Тихо ты, тихо, ну?!

Петр что-то поет. Варя послушала его, склонив голову с крыши, снова смеется.

ВАРЯ. А чего тихо? Никто, что ли, не знает, как у тебя ящик от писем ломился, да? Придумала - сострадание!

АЛЯ. Не я придумала, а люди посоветовали. Люди сказали - так надо написать... Знаешь ведь, знаешь!

ВАРЯ. Какие это люди тебе посоветовали? Дураки какие-нибудь, которые с тобой в автобусе ездят?

АЛЯ. Тихо ты!

ВАРЯ. Что - тихо? Что - тихо? Что - тихо? Чего ты мне рот затыкаешь? Никто как будто не знает, как тебе начали писать, кто способный на сострадание? Все мужики стали думать, что ты в тюрьме сидела, раз понимать тебя надо, да еще стали думать, что у тебя штук десять детей. Бессовестная! Так ведь и писали: ничего, мол, то вы в тюрьме сидели и что детей у вас много, я вас все равно, мол, заранее, мол, люблю!

АЛЯ. Я тебе сказала - тихо, ну?!

ВАРЯ. А кто услышит? Соседи про тебя все знают, про придурка! А еще кто услышит? Татарин этот, что ли?

ПЕТР. *(поет.)* «Постой, паровоз! Не стучите колеса! Кондуктор нажми на тормоза!!! Ча-ча-ча!»

ВАРЯ. Слышишь, поет: кондуктор! *(Хохочет.)* Тебе поет! А татарин - татарин пусть слушает! Пусть знакомится с обстановочкой! Ой, с крыши бы не упасть - так смешно мне! Ой, как смешно мне! Письма от тех мужиков своих сохранила или нет?

АЛЯ. Все сожгла, до одного, знаешь ведь, ну?

ВАРЯ. Ага. Ну, придем к тебе сейчас, спустимся, дашь мне их прочитать. Я хоть посмеюсь. У меня сегодня настроение веселое. Как его зовут, Любка сказала?

АЛЯ. Эдик.

ВАРЯ. А-а, Эдик. Эдик. Эдик-педик. Татарин.

Дико, во весь голос вскрикнула. Обе замерли.

АЛЯ. Чего ты? Чего? Чего?

ВАРЯ. Да чтоб она провалилась! Брысь! Дома пугала, пугала, еще и сюда пришла пугать! Брысь, сказала, тварь такая, брысь! Да что же это такое, снова напугала, а? Пошла, ну? Пошла!

Схватила палку, кинула в кошку, та шмыгнула с крыши.

АЛЯ. Что ты пристала к ней?

ВАРЯ. А пусть не пугает!

АЛЯ. Не любишь ты живность, Варька. Никого не любишь. Природу ты нашу русскую не любишь. На всех, как змея кидаешься. Вот так.

ВАРЯ. А кого любить? Всякую гадость? Как бы не так. Гадость всякую любить не буду. Я вообще-то человек скрытный, чтоб ты знала. Что не надо показывать людям, я глубоко в себе закапываю. Это я к твоему вопросу про любовь.

АЛЯ. Ты про что это?

ВАРЯ. А про то. Проехали. Про то. Кто не дурак - поймет.

Петр свистит какую-то мелодию. Варя свесила голову с крыши.

Эй, свистун! Дразнилку нашел? Чего вот ты рассвистелся тут? Люди уже отдыхают, а ты чего? У тебя, гляжу, в голове ветер вот так вот свистит, как вот ты тут свистишь! Иди вон работай, раз ты на работе! У людей горячая вода кончится скоро, а ты сидишь тут, свистишь!

ПЕТР. А какая вам хрен-разница, мадмуазель, есть вода или нет, кончится или не кончится? А? Вы ведь ею, кажись, не пользуетесь?

ВАРЯ. *(помолчала.)* В теплицу воду надо, ясно? А я там работаю. Понял?

ПЕТР. Ну и работай. Чего ты трепыхаешься?

ВАРЯ. Я за общество за наше переживаю. А ты - трутень.

ПЕТР. А вы, значит, там сидите - две пчелки? Да?

ВАРЯ. *(помолчала.)* Чего-о?

ПЕТР. Я говорю: вы две пчелки, да?

ВАРЯ. Тебя не спросили!

Идет поезд, грохочет на стыках рельс. Дал гудок, ушел. Тихо стало. Только музыка с танцев слышится.

МОЛЧАНИЕ.

Какой это пошел?

АЛЯ. Сто семьдесят четвертый. Полдесятого. *(Улыбается.)* Пчелки, говорит. Что вот мы, правда, с тобой тут сели? Как две кошки мартовские на крышу забрались. Стыдно. Пошли домой. И что ты меня все время сюда тянешь? По сорок лет бабам, а как дуры...

ВАРЯ. Сиди! *(Положила голову Але на колени.)* Пошукай давай в голове, поищи, мне. Ну?

АЛЯ. *(перепуганно отодвинулась.)* Ты чего? Не буду, нет, не буду...

ВАРЯ. Ну, давай я у тебя поищу...

Расчесывает волосы гребенкой, смотрит на Алю. Та испуганно машет руками.

АЛЯ. Ты чего? Чего? Нет, нет... Еще он увидит... Ты чего, ты чего...

ВАРЯ. Кто увидит? Этот увидит? Кто?

МОЛЧАНИЕ.

(злобно.) Эк, какие мы стали!

АЛЯ. *(сердито.)* Да мы такие и были!

ВАРЯ. *(встала, поправила платье.)* Ах ты, кишечница подлючая! Я с ней, как с подругой, а она с татары глаз не сводит, посмотрите-ка! Способный на сострадание, на понимание, на вынимание!

АЛЯ. Не ори. Раскрыла хайло. Кишки простудишь. Вот так. Поняла?

ВАРЯ. Вот он тебе - способный на сострадание и понимание! На всех кидается! Тьфу! Гадость какая! Чем ты хуже той Любки! Эдик! И чего я сижу тут с тобой! Тьфу!

АЛЯ. Тихо, тихо. Напилась уже.

ВАРЯ. У-у, гадска морда! Я тебе напьюся! Пяль глаза, пяль!

Быстро спускается вниз по лестнице, останавливается у дверей своей квартиры на втором этаже, находит ключ, открывает двери, входит в комнату, кричит оттуда:

Я твоей кошке завтра же отравы намешаю! Чтоб не ходила мне тут! Не ходила чтоб, не гадила! Тут социалистическое общежитие у нас, уважать его надо, а не разводить всякую природу, всякую мерзкую тварь! А? Кобра какая! Самая ты настоящая кобра! Устроила мне тут похотать, а? Развела мне тут бордельеро! Завтра же! Сегодня же!!! Сейчас же!! Настоящая ты кобра!!!!

Окна ее квартиры осветились. Варя ходит за занавесками, гремит, стучит чем-то.

Петр ушел к себе в кочегарку. Аля смотрит вниз. Зовет кошку. Медленно начала спускаться задом вперед. На последней ступеньке все-таки оступилась, охнула, ахнула, полетела вниз. Но попала в объятия Петра, который поджидал ее у лестницы.

ПЕТР. Оп-па. Вот так.

АЛЯ. Ой... Вот так... Чуть не жваркнулась...

Петр держит Алю в своих руках, не выпускает, ухмыляется. Помолчали.

Ну-ка, ну-ка, ну-ка ты... Руки, руки сказала! Ишь...

Оттолкнула Петра, быстро пошла на крыльцо, открыла двери своей квартиры. Включила в комнате свет. Походила. Телевизор выключила, занавески поправила. Села на кровать, улыбается.

Петр обошел вокруг дома, заглянул в окошко, в комнату Али. Постучал.

АЛЯ. *(отдернула занавеску, долго смотрит на Петра.)* Чего?

ПЕТР. *(шепотом.)* Открой...

АЛЯ. *(открыла дверь.)* Ну? Чего надо?

МОЛЧАНИЕ.

ПЕТР. *(стоит на пороге, улыбается.)* Так просто. Поговорим?

АЛЯ. Чего ты зубы-то продаешь?

ПЕТР. Больше продавать нечего. Или уже и нельзя? Мне все бабы говорят, что у меня зубы красивые. Или нет?

АЛЯ. Или нет. Ну и иди к тем бабам, которые твои зубы хвалят. А мне зубы заговаривать нечего...

ПЕТР. Те бабы далеко. А вы - близко...

АЛЯ. Не звали, вроде тебя?

ПЕТР. *(смеется.)* Пустите погреться?

АЛЯ. Ага. Сейчас. Для тебя, для зубатого, расстаралась. Ага, как же. Сейчас пустила.

Стоит, не отрываясь смотрит на Петра. Не двигается с места.

ПЕТР. Погреться, а?

АЛЯ. Жарко, вроде, а?

ПЕТР. Ну, тогда остудиться, а?

АЛЯ. Ишь, разжарило тебя.

Пауза.

ПЕТР. Какие мы нервные.

АЛЯ. Да я спокойна. Я спокойна, как мертвая лошадь. Вот так. И не боюсь никого. Заходи, чего там? У меня скоро муж с работы придет. Заходи, ну? *(Пауза. Петр улыбается, стоит на пороге.)* Чего ты испугался? Он еще не скоро придет. Часов в двенадцать.

ПЕТР. Не скоро?

АЛЯ. Не скоро, не скоро. Ну? Боишься, что ли?

ПЕТР. Да я не трусливый. Первый этаж к тому же... *(Входит в комнату.)*

АЛЯ. Ну и что - первый этаж?

ПЕТР. Прыгать, в смысле, невысоко.

АЛЯ. А-а. Ну да. Заходи, заходи. Вот.

Стоят друг против друга, в коридорчике.

ПЕТР. *(осматривается, улыбается.)* А что это у вас тут... обои сморщились?

АЛЯ. Это от испуга. Тебя испугались. Ну, заходи, заходи... Гостем будешь. Раз уж пришел, чего с тобой сделаешь - садись. Вот так. Сюда, что ли?

Сели за стол друг против друга. Аля спохватилась, быстро унесла со стола за занавеску две тарелки, пустую бутылку. Смела с белой скатерти крошки. Села, смотрит на Петра. Петр кашлянул. Полез в карман за папиросами.

ПЕТР. Курить можно?

АЛЯ. *(завороженно.)* Курить можно... Кури, что же... *(Нашла пепельницу, поставила перед Петром, смотрит на него, не отрываясь.)*

ПЕТР. У тебя мужик не курит, что ли?

АЛЯ. Не курит, что ли... Почему это?

ПЕТР. Пепельница чистая, новая. И запаха в квартире нету.

АЛЯ. И запаха в квартире нету... Что это на тебе куртка такая интересная? Дермантин, что ли?

ПЕТР. Ну да. Кожа натуральная.

АЛЯ. Ну да. Кожа натуральная?

ПЕТР. Конечно. Что ж я, не могу себе позволить, что ли? Тыщу она стоит. Не пять копеек. А?

АЛЯ. Вот эта вот?

ПЕТР. Вот эта вот.

АЛЯ. Две коровы на себя навздевал. И никакого вида нету. Что ж ты ее дома не держишь, а на работу носишь? Вещь ведь. Порвешь, плакать будешь потом, денег жалеть.

ПЕТР. *(смеется.)* Плакать я не умею. Плакать я не буду...

АЛЯ. *(улыбается.)* Плакать я не умею... Да птьфу твоя куртка и все. Птьфу, не стоит тыщу, обманываешь. Тьфу.

ПЕТР. Не плюйся.

АЛЯ. А чего?

ПЕТР. Чисто круго. *(Улыбаются друг другу.)*

АЛЯ. Откуда ж деньги у тебя такие?

ПЕТР. Заработал.

АЛЯ. А где жа такие платют?

ПЕТР. В одной шарашкиной конторе так платят.

АЛЯ. В какой именно это? Интересно?

ПЕТР. Ну... В местах не столь отдаленных.

АЛЯ. *(помолчала.)* В местах не столь отдаленных... Сидел?

ПЕТР. Почему это?

АЛЯ. Да что же это я, не вижу, что ли, слепая, что ли?

ПЕТР. Да, вроде, наколок у меня не видно?

АЛЯ. А причем тут наковки? Кто еще в кочегарке в нашей работать станет? Тут только алкаши и алкашки работали и работают всю жизнь. Либо - кто из тюрьмы. Такое место гнилое.

ПЕТР. Место, как место. Работать надо где-то. Кто-то должен ведь и в кочегарке работать. А мне нравится. Тихо, никто не командует.

АЛЯ. А ты свободу любишь? Чтоб тобой не командовали?

ПЕТР. А я свободу люблю. Век свободы не видать! *(Тихо смеется.)*

АЛЯ. Гнилое тут место, гнилое...

ПЕТР. Место, как место.

АЛЯ. *(улыбается.)* А где живешь?

ПЕТР. А тут пока и живу.

АЛЯ. А где будешь жить?

ПЕТР. В двенадцать он у тебя приходит?

АЛЯ. В двенадцать. Где будешь, говорю?

ПЕТР. Да найду какую-нибудь девчонку, пристроюсь. Мужик я здоровый, крепкий... Найду какую-нибудь скучающую особу, притулюсь под бок. Что ж, думаешь, не выкручусь? Вы-выкручусь! Не в таких переделках бывали. Вы-ы-ыживу! Может, у тебя есть на примете какая бабенка свободная? Подскажи тогда...

АЛЯ. Что ж у тебя рубашка-то, как у деда какого - в горошек?

ПЕТР. А какую надо?

АЛЯ. Эта - не модная.

ПЕТР. Мода для урода. *(Поет, стучит пальцами по столу.)* «Постой, паровоз, не стучите колеса!... Пока еще не поздно нам сделать остановку! Кондуктор нажми на тормоза! Ча-ча-ца!!!!...»

АЛЯ. Чего ты меня дразнишь?

ПЕТР. Я тебя не дразню.

АЛЯ. Я ж кондуктором работаю.

ПЕТР. Вот оно что! В точку попал. «Кондуктор нажми на тормоза...»

АЛЯ. Песня эковская. Как ээк - так обязательно такую песню поет. А я думала только в кино. В «Джентельменах удачи»... Видел?

ПЕТР. Видел, видел...

АЛЯ. А что это ты в сапогах ходишь? На дворе лето, а ты - в сапогах. Денег нету, что ли, чтобы ботинки купить? Почему в сапогах?

ПЕТР. А-а... Нам татарам - все равно, что повидло, что...

АЛЯ. Ты - татарин?!

ПЕТР. А что - похож?

АЛЯ. Да не похож. А говоришь: «Нам татарам...»

ПЕТР. Присказка такая.

АЛЯ. *(смеется.)* А-а. Ты не вздумай при ней, при Еве Браун, такое сказать, не вздумай...

ПЕТР. А это кто такая?

АЛЯ. Вон та... *(Показала пальцем на потолок.)* При Варьке-то, не скажи так, смотри...

ПЕТР. Почему Ева Браун?

АЛЯ. Сама себя она так называет. *(Смеется.)* При ней, при ней не скажи, что вам, татарам, все равно... Загрызет сразу. Татар ненавидит до смерти! Смотри!

Вдруг дико закричала, схватилась рукой за сердце.

ПЕТР. Ты чего?

АЛЯ. Да кошка эта ходит, пугает. Ходит меж ног и ходит... Голодная она, что ли...

Петр негромко смеется. Смотрят друг на друга. Идет поезд, грохочут на стыках рельс колеса.

АЛЯ. У тебя там... котлы не взорвутся?

ПЕТР. А?

АЛЯ. Котлы в кочегарке не лопнут?

ПЕТР. С чего вдруг?

АЛЯ. Так просто. Без присмотра. Возьмут и взорвутся. Тебя возьмут и снова посадят. *(Пауза.)* За что сидел-то?

ПЕТР. За убийство.

АЛЯ. За убийство? За убийство расстреливают. Обманываешь меня, поди. Украл кошелек, ага? Украл?

ПЕТР. *(улыбается.)* За убийство говорю.

АЛЯ. А кого же ты убил?

ПЕТР. А кого же мне убивать, как не свою жену? Жену и убил. У попа была собака, он ее любил. А потом убил. И похоронил. И на камне написал...

АЛЯ. За что же ты ее убил?

ПЕТР. Не нравилась она мне... *(Смеется.)* С самого начала не нравилась. Понимаешь?

АЛЯ. *(как эхо.)* Понимаешь...

ПЕТР. А ей не нравилось, как я смеюсь... А я смеяться очень люблю. Я веселый. Начну смеяться, а она визжит... *(Смеется.)* Ненормальная была, видно, как ты считаешь?

АЛЯ. Как ты считаешь...

Все смотрит и смотрит, как замороженная, на Петра. Тот затушил папиросу, пересел на стул поближе к Але.

ПЕТР. *(приобнял Алю, шепотом.)* Слушай, слушай, девица красная-распрекрасная... Слушай... Слушай, что я тебе скажу, слушай...

АЛЯ. *(сжалась, испуганно.)* Не подсаживайся! А ну, отодвинься, давай, от меня! Чего ты?! Ну?! Отстань, сказала! Придет сейчас!

ПЕТР. Да не съем, не съем тебя... Нужна ты... Слушай, будь другом, а?

АЛЯ. Чего, чего, чего? Киса, киса, киса, взять его! Фас, фас, взять его! *(Пятится к двери.)* Чего смотришь так, чего надо, ну?! Я вот сейчас крикну, закричу, заору, людей позову, тут все быстро выбегут, поддадут тебе, ну-ка, ну-ка, давай отсюда...

ПЕТР. *(шепотом.)* Да тихо, тихо ты... Слушай, подруга. Ты вот балабонишь без конца не по делу, а про главное мы с тобой и ни слова...

АЛЯ. Да про какое главное, какое, чего, чего тебе надо?!

ПЕТР. Вот взяла бы ты да и накормила бы меня, а?

Пауза. Аля смотрит на Петра.

АЛЯ. Чего? Чего? Чего?

ПЕТР. *(шепотом.)* У тебя тут так домашним пахнет, а я жрать хочу, помираю... Сто лет домашней пищи не ел, а? Ну, что тебе, жалко, что ли? Что молчишь? Я говорю: дайте попить, а то так жрать охота, что даже ночевать негде..

МОЛЧАНИЕ.

Аля, не отрываясь, смотрит на Петра. Быстро побежала по комнате, открыла холодильник. Загремела кастрюлями, сковородками. Ставит что-то на стол.

АЛЯ. Что ж ты раньше не сказал? Голодный год, что ли? Жалко, что ли? Ешь, сколько хочешь... Попросил бы да и все... Мне ведь не жалко, ты что? Ешь, ешь, давай, ешь, ну? На, на, на....

Петр быстро ест. Аля с ужасом почему-то смотрит на него. Села. Оперлась рукой на стол.

(Шепчет, чуть не плача.) Ешь, Эдик, ешь..

ПЕТР. Какой Эдик?

АЛЯ. Ты, ты - Эдик...

ПЕТР. Мужика твоего Эдиком зовут, что ли. *(Ест.)* Спутала?

АЛЯ. Тебя Эдиком зовут... Зашпионился совсем.

ПЕТР. Всю жизнь Петей звали.

АЛЯ. Петей?

ПЕТР. Петей.

АЛЯ. А Любка мне сказала... Ну, что ходила к тебе - что тебя, сказала - Эдиком зовут. Наврала она, что ли?

ПЕТР. Кто ходил ко мне?

АЛЯ. *(улыбается.)* Любка. Толсторожая такая. Во-он в том доме живет. Говорит, мыться ходила в кочегарку, к Эдику, в душ ходила...

ПЕТР. Ко мне? Любка? Эдиком назвала? Меня?

Ест, кашляет, раскачиваясь на стуле. Хохочет, в руке у него вилка. Машет вилкой в воздухе, хохочет.

Да не-е-ет... Да не-е-ет.... Да не-е-ет...

АЛЯ. *(попыталась к двери.)* Не смейся...

ПЕТР. *(хохочет во всю глотку.)* Нет, нет!

АЛЯ. Не смейся.... Не смейся.... Не смейся....

ПЕТР. *(кадык у него на горле шевелится, белые зубы Петр показывает, хохочет.)* А чего? Чего случилось? Что такое, а? Что такое?

АЛЯ. *(встала у порога, испуганным шепотом.)* Не надо... Не надо... Не надо... Не смейся!!! Не смейся!!! Страшно!!! Страшно!!!

ТЕМНОТА.

Вторая картина.

Идет поезд, гремит в ночи.

В комнате Али темно. Аля сидит в ногах Петра, а Петр лежит на кровати под одеялом, курит папиросу и огонек ее летает в темноте.

АЛЯ.... А я такой фургон каждый раз произвожу всегда. Вот, приезжает мой сто одиннадцатый на остановку в центр. Заходят все, народу набьется куча. Мое место никто никогда не занимает. Я его ковриком накрыла, аккуратно так сделала... Ну, заходят все.

Кому - за пять копеек, кому за двадцать пять - ну, до самого аэропорта. Люблю я свою работу. Очень-очень. *(Смеется.)* Ну, все вошли, я сразу же говорю, когда двери закроются... *(Начинает говорить громко и неестественно:)* «О-сы-та-нов-ка ули-ца Ка-ры-ла Ли-бы-кы-хи-ни- та! Сы-ле-ду-ющш-ча-я-а-а а-сы-та-ноф-ка-а сбе-ры-касс-са!!!» А потом уже начинаю объявлять: «Уважаемые товарищи пассажиры! Помните, что чисто не там, где метут, а там, где не сорят! Не бросайте скорлупу от семечек и фантики от дефицитных конфет на пол где попало! А возьмите их с собой по возможности в карман и выбросьте потом по вашей возможности в урну на улице! Бывает заяц белый, бывает заяц серый, а ты какого цвета, товарищ без билета?!» *(Смеется.)* Все прямо челюсти открывают, так на меня смотрят, когда я говорю. Прямо как на ненормальную. У нас ведь все ненавистные, все ведь привыкли - гав-гав! - а я вдруг к ним с таким уважением - ля-ля! У меня в салоне чисто. Да, чисто! У нас ведь везде как? Никто ведь ни за холодную воду, никто ведь нигде не работает и работать не хочет. А я всю себя, всю полностью на работе отдаю, все сердце! Вот как по телевизору просят: «Товарищи, отдавайте работе все сердце!» - я вот так: отдаю прямо всем, не жалею. Хоть памятник мне ставь - так я честно и правильно работаю... *(Пауза.)* Я и шапочку себе, как у стюардессы, сшила, из меха серого такого. Пальто у меня синее, на работе мне выдали. И цветочек на пальто приколю, губнушкой себя намажу - красота! Как продавщица прямо! Зимой у меня в салоне чисто, тепло. Но главный фургон - это когда мы подъезжаем! Вот, вижу, что скоро конец пути, я и начинаю, начинаю: «Уважаемые товарищи пассажиры! Наш автобус прибыл в пункт назначения и приписки -Аы-ра-ы-по-ры-ты! Всем встречающим - удачных встреч и деловых контактов, всем взлетающим - мягкой посадки, всем провожающим - хорошего настроения на многие годы! Улыбайтесь друг другу, товарищи, улыбайтесь! Доброта и улыбки присущи людям!» *(Смеется.)* По ночам вот тут, на кровати лежала, сочиняла все это. Потом еще по книжкам, по газетам, по телевизору. Знаешь, на меня все, как на дуру смотрят. Я ведь не в микрофон, а так прямо говорю. Ну, мне бы микрофон дали, я бы так сказала, еще бы и не так! Кто-то, бывает, подойдет, скажет: «Молодец ты, девка, как артистка какая выступаешь! Всем, говорит, хорошо от твоих слов, всем хорошее сделала: никого ни почернела, ни побелела! «А это правда. Но я на это ничего не говорю, а так только серьезно отвечаю им: «Освободите, освободите салон, товарищи, не задерживайте маршрутное движение!» Ну, вроде как, строгость на себя напускаю... *(Смеется.)* Ты не спишь?

ПЕТР. *(курит.)* Нет.

АЛЯ. Не надоело тебе?

ПЕТР. Нет. Мужик твой скоро придет?

АЛЯ. *(помолчала.)* Господи... Я думаю: чего он не спит, мою болтовню слушает... А он за мужика моего беспокоится... Я думала: ты за кочегарку беспокоишься, а ты вон за что переживаешь... А он за мужика за моего, выходит... *(Пауза.)* Нету никого. Какой мужик. Откуда ему взяться. От сырости, что ли. Спи...

Где-то играет ночная музыка, крутятся пластинки. Снова мимо окон проходит поезд...

ПЕТР. Как тебя зовут?

АЛЯ. *(смеется.)* Ну вот... Хорошо, хоть спохватился. А то так бы и ушел, не спрося.... С кем спал - имени не знаю, да? Алевтина я. Аля.

ПЕТР. С кем живешь, Алевтина?

АЛЯ. С кем, с кем... С открытой форточкой. С кошкой вон...

ПЕТР. С коллегами по работе спишь, небось?

АЛЯ. С кем это?

ПЕТР. С шоферами автобусными...

АЛЯ. *(вздыхнула.)* Про такое не спрашивают. Про то я одна знаю, да ночка темная. Так люди говорят, понял? Ну, да раз уж спросил - скажу. Бывает. Что же делать-то? Я живая. И они тоже. Один Бог святой. А любить - одного только я любила. Правда, не было у нас с ним ничего...

ПЕТР. Кто ж такой?

АЛЯ. Был тут один... Молодой, красивый парень. Давно это было. Он учителем в школе работал, в той школе, возле завода которая. А жил тут, недалеко. Потом - повесился.

ПЕТР. Как повесился?

АЛЯ. Вот так. Повесился. Не знаю, почему. Никто не знает. Вот тут, возле нашего дома... Его все дразнили вокруг. Вроде - учитель, шишка, интеллигенция у нас считается, а его - никто не уважал никогда. Кому не лень - все ему вслед кричали: «Леня-Лида! Леня-Лида пошел!...»

ПЕТР. Это что ж, звали его так?

АЛЯ. Да звали-то его Сашей. Александром. А дразнили - так. *(Молчит очень долго.)* А потом - повесился. *(Пауза.)* Я вот прочитала в газете, что женщин у нас в стране на три процента больше, чем мужиков. Мало, вроде, три процента, правда? А посчитать - так это, оказывается - чуть ли не шестнадцать миллионов баб. Представляешь? Это значит - шестнадцать городов по миллиону жителей каждый и весь миллион в городе жителей - бабы. Одни бабы. Сплошняком. И в магазине - бабы. И в автобусе - бабы, на улице - бабы, везде, везде, они только одни и ни одного нормального, человеческого лица! В смысле - ни одного мужика. *(Пауза.)* Вот у нас город такой. Одни бабы. И все одинокие. Вот у меня все до единой подружки - не замужем. И что за напасть такая - не понимаю. Совсем мало мужиков. Я вот тоже, как все, давай поначалу, когда время к тридцати подходить стало, давай в газеты писать... Ну, знакомиться. Толку-то? Станция Березай - кому надо и не надо вылезай... Плюнула потом. Одной, вроде бы, и легче...

ПЕТР. Отчего же он повесился?

АЛЯ. *(обняла Петра.)* А ты что, ревнуешь, что ли? Его нет на белом свете, да и косточки его давно сгнили... У меня с ним не было ничего. Так, по-детскому любовь была...

ПЕТР. Отчего же он повесился?

АЛЯ. Потом расскажу тебе, потом.... Если будешь ходить. Будешь?

ПЕТР. Буду.

АЛЯ. Тебе бабы говорили, что у тебя волосы красивые?

ПЕТР. Говорили...

АЛЯ. Пышные какие... Как из парикмахерской ты будто только что... А про глаза говорили?

ПЕТР. Говорили...

АЛЯ. Прямо не глаза, а камешки будто светящиеся. Даже в темноте их видно... А про руки не говорили? *(Пауза.)* Петенька, какой же ты красивый... Повезло мне, дуре, повезло... Жалко, время быстро идет, жалко...

ПЕТР. Что - жалко?

АЛЯ. Все проходит быстро. Все быстро заканчивается. Или ты это не понял еще? Всегда так в жизни...

Целует Петра. Встала, накинула халат, вытерла слезы.

ПЕТР. Куда ты?

АЛЯ. Спать не могу. Музыка играет... Слышишь? Пойду к тебе, возьму у тебя там горячей воды, рубашку тебе постираю, ага?

ПЕТР. Не надо...

АЛЯ. Ничего, ничего... Я маленькую такую постирушку сделаю, к утру все уже высохнет... А ты поспи, поспи, миленький, отдохни... *(Села на кровать, снова поцеловала Петра.)* Красивый ты... Что молчишь? Варька, знаешь, как тебя зовет? Ты, видно, понравился ей сильно. Говорит на тебя: «Манекен»...

ПЕТР. Как?

АЛЯ. Манекен. Говорит, ты на татарина похож... *(Смеется.)* Злится на тебя... Ну? Расскажи про себя? Расскажи, что ли?

ПЕТР. Неохота...

АЛЯ. Тихо, тихо... Кто-то идет, тихо....

Открылась дверь на втором этаже. По лестнице спускается Варвара. Она в халате. В руках Варвары железный совок. Прильнула Варя ухом к двери Алевтины. Принялась бить окна. Звенит стекло.

ВАРЯ. *(рыдает, кричит, что есть силы.)* А-а-а-а! Татары!!! Сволочи!!! Ах вы, сволочи!! Я вам обоим морды пошкарябаю!!! Обоим, сволочи!!! Я вам тут не позволю!!! У-у-у! А-а-а! Не позволю!!! Не позволю!!! Кишечники подлючие!!! А-а-а-а!!! Не позволю-у-у-у-у!!!

Разбила Алевтине окна.

Рыдает.

Пошла, села на клумбу. Грязными руками растирает слезы.

Кричит что-то.

Ничего не слышно, потому что снова идет поезд, гремит, заглушает ее слова.

Проходит поезд.

Плачет Варя. Где-то играет музыка.

ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

* * * * *

... И опять эта женщина - измученная и испуганная - бежит за своим мужиком.

Он идет по железнодорожным путям, упирающимся в солнце, а она то с одного бока забегают, то с другого. Машет хворостинкой, машет, пытается удержать его, но уже начинает понимать: ничего не вернешь, ничего...

И прошлого не вернешь, и его не вернешь...

Бежит она за ним, на виду у людей, к своему стыду... Стыдно, стыдно, да что сделать-то? Не побежишь - так ведь он совсем уйдет тогда, а так - вдруг да и остановится, останется, вдруг?! Иначе что ж - одной остаться? А что делать потом, тогда - одной-то?!..

ОНА. Стой, прошу тебя... Ну, остановись!!! Куда ты идешь, чего тебе там надо? Никому ты там не нужен, никому! Там ты сразу погибнешь, слышишь? Там смерть твоя тебя ждет, смерть, смертушка! Возвращайся давай назад, чего ты, ну, чего?! Не надо, не ходи туда, не ходи, прошу тебя, вернись, слышишь?!

ОН. *(весело идет по рельсам, курит.)* Пошла, пошла! Пошла! Иди! Пошла!..

ОНА. *(падает, поднимается, бежит из ее коленки кровь, но не видит она ничего.)* Стой, стой... Остановись, ну? Куда ты пошел... Чего ты задумал... Не надо, не ходи, останься тут со мной... Слышишь?! Кому сказала?! Ты обо мне подумал?! Подумал, нет? Куда пошел, кому сказала - вернись!

ОН. Пошла! Пошла! Иди, ну? Пошла!

ОНА. Да что это с тобой такое стало? Вернись, с ума ты сошел, что ли... Возвращайся сейчас же, прошу тебя, как человека прошу.... Ну?! Вернись! Слышишь?

Проехал мимо автобус с веселой пьяной свадьбой. Полетела пыль над дорогой, осыпала его черный костюм, белую рубашку, галстук. Прилипает пыль к ее слезам, размазывает она грязные слезы по щекам, просит и просит его:

ОНА. Ну, вернись, прошу тебя... Там смерть твоя тебя ждет, смертушка... Поживи еще, не помирай, не погибай, слышишь? Погибнешь там... Вернись ко мне, вернись... Иди домой, кому сказала?! Ну?!

ОН. Пошла! Пошла! Пошла! Иди, ну?...

Пыль, пыль, пыль...

Исчезают оба.

Будто и не было.

* * * * *

Третья картина.

Прошло три дня. Дело близится к вечеру.

Все то же: дом, заваленная углем кочегарка, труба, березы, белье, качели. Все то же.

Аля моет пол на крылечке.

Петр спускается со второго этажа. От Вари.

Та вышла его проводить. Веселая, говорливая, в шелковом халате. В зубах заколки торчат. Достает их изо рта и, вталкивая в волосы, хохочет.

ВАРЯ. Эй! Э-э-эй!

ПЕТР. «Эй» зовут свиней.

ВАРЯ. (смеется.) Да ладно тебе, ладно... Эй!

ПЕТР. Ну, чего?

ВАРЯ. Ну ты куда пошел-то?

ПЕТР. Куда надо.

ВАРЯ. Постой. Поговори еще со мной, ну?

ПЕТР. Ну, чего?

ВАРЯ. А куда тебе надо?

ПЕТР. Работать надо.

ВАРЯ. Исструдился весь, смотри. В порошок сотрешься, гляди! Работает и работает, ты погляди! (Хохочет.) Никаких сил у тебя, у бедного, не останется, смотри!

Петр остановился, курит, смотрит, как Аля моет пол.

Ну, чего на татарку выставился? Пусть красоту наводит, чистоту-порядок! А то совсем завшивела уже! Слышишь! Она мне говорила, что тебя Эдиком зовут! Ой, не могу, не могу, не могу я! Я ей говорю: да что же это у него будет такое татарское имя, у нормального русского мужика, ну? А она спорит: «Нет, говорит, Эдик и все!» Видишь, как себя перед тобой показывает, чтоб ты увидел, какая она у нас работающая!

Аля помыла пол, вылила воду из ведра на клумбу «Слава труду!» «Налила из другого ведра воды в тазик, села на крыльцо, опустила ноги в тазик. Сидит, молчит.

Ишь ты, какая она сердитая, посмотри, посмотри! Ишь ты, какая она недовольная! Ишь ты, какая она злая - глянь, глянь!

Хохочет. Петр стоит у крыльца, смотрит на Алю.

(Петру.) Ну, чего встал-то? Иди, иди уже, горе мое! Открывай свою лавочку! Я к тебе мыться сейчас приду! В душ схожу, как все порядочные женщины после ночи! Слышишь, татарка? Не вышло по-твоему! У-у, морда поросычья!

Смеется, красуется перед Петром. Тот открыл ключом замок, вошел в кочегарку.

Варя спустилась по лестнице ниже, говорит весело Але:

Ну, что, убираешься? Марафет наводишь? Напрасно, однако, стараешься! Не вышло по-твоему! Мой он теперь. Никому не отдам. Никому, слышишь ты? Что молчишь? Чем недовольная?

АЛЯ. А что я тебе сказать должна?

ВАРЯ. Ну, скажи хоть что-нибудь. Оцени состояние дел!

АЛЯ. Не знаю я, чего тебе говорить...

ВАРЯ. Не знаешь! Ишь, не знает она! Знаешь ты, все ты знаешь! Вот говорила я тебе, что я все скрываю, а потом делаю, как хочу! Вот так!

АЛЯ. Да делай, делай, дорогуша моя... Делай!

ВАРЯ. А что же надо было - тебе его отдать? Да? Тебе подарить такого мужика? Нетушки. Только курица гребет от себя, а человек - человек всегда к себе гребет. Понятно тебе?

АЛЯ. *(встала.)* Гребь, куда хочешь. Дура.

ВАРЯ. *(завизжала.)* А-а-а! Кошку твою, кошку твою сегодня же отравлю! Ишь ты, тихоня какая, а будет мне тут такое устраивать! Да я умнее тебя, красивее тебя в сто раз! Сегодня же отравлю! А ты даже и не надейся на него! Я тебя тоже своими вот руками этими самыми задую, если ты с ним хоть словом перемолвишься! Понятно?! А кошку твою - вон, на березе повешу! Где Леня-Лида твой висел, так и кошку твою там же повешу! Ясно?!

Аля подскочила к Варе, схватила ее за грудки, за халат - та и пикнуть не успела.

АЛЯ. *(тихо.)* Только скажи хоть слово.. Только скажи хоть слово еще... Ну?

ВАРЯ. *(испуганно пятится по лестнице вверх, к себе.)* У-у, кобра... Кобра какая... Самая ты настоящая кобра... Кидается....

Аля у крылечка, моет в тазике обувь.

(Подошла к своей двери, кричит громко и смело.) Пойду, бельишко возьму! Способный на сострадание! Ой, не могу... *(Смеется.)* Способный на сострадание! На понять способный! У меня бельишко новое, чистое, гупюровое, гэдээровское еще! Пете очень нравится! У тебя такого нет и не будет коровятина, ишь!

Ушла к себе. Поет что-то там, гремит чем-то, что-то двигает.

Аля моет в тазике обувь.

Из кочегарки вышел Петр. Остановился у двери, смотрит на Алю.

ПЕТР. Ну, что?

АЛЯ. Ничего.

ПЕТР. Как живешь?

АЛЯ. Твоими молитвами. Лучше всех.

ПЕТР. Что, обижаешься?

АЛЯ. Ну вот еще. Ты не тушуйся. Сказал, что заходить будешь? Так заходи втихомолку, как-нибудь...

ПЕТР. Ну ладно, чего ты...

АЛЯ. Я ж тебе сказала, что повезло мне... Спасибо тебе. Не погнушался. Рубашечку свою в горошек дал вон постирать. Мне и так хорошо. Спасибо. Заходи как-нибудь, соседи как-никак...

ПЕТР. Я сегодня в твоём автобусе ехал...

АЛЯ. А то я слепая, а то я не видела....

ПЕТР. *(ковыряет спичкой в зубах.)* Почему не оштрафовала?

АЛЯ. Потому что бывает заяц белый, бывает заяц серый, а ты какого цвета, товарищ без билета?

ПЕТР. Почему, ну?

АЛЯ. Щас, расстаралась для тебя! Больше мне делать нечего! У меня и так работы много. Сам видел. И объявлять надо, и не просчитаться. Денег-то, видал, сколько? Ну вот. Куча целая...

ПЕТР. Какие там деньги. Медяшки...

АЛЯ. Ты у нас богатый, ты у нас в дорогих куртках ходишь. Большие деньги получаешь. А люди живут плохонько, кое-как. Для них и пять копеек - тоже деньги. А для меня уж - тем более. Мне надо внимательной быть, чтобы не просчитаться...

ПЕТР. Ага. Сорок да сорок - рубль сорок. Колбасу брал? Не брал. Два восемьдесят... *(Хмыкнул.)* Смешная ты. И будто даже глупая. Ты не говори больше этих слов в автобусе. Не надо. Весь автобус ведь смеется. Ну, что ты, как дура какая?

АЛЯ. Дак если дура, дак что теперь сделать? Умная-то у тебя вон, наверху живет, в душ собирается, на виду у всего народа... А я - дура. Ну, что сделаешь? Всю жизнь дурой была, такой, видать, и помирать буду...

ПЕТР. Не говори больше таких слов в автобусе. Стыдно за тебя...

АЛЯ. *(мочет обувь.)* Чего в аэропорт ездил? Неужто спецом, хотел на меня посмотреть? Ой ли? Не верится. Обратно я тебя, вроде, не видала...

ПЕТР. Обратно на такси ехал...

АЛЯ. Богатый ты, мальчишка, богатый.

Взяла половик, трясет его над клумбой.

ПЕТР. Расписание узнавал.

АЛЯ. Слетать куда-нить решил? Смотри, осторожнее. Самолеты нынче разбиваются.

ПЕТР. Не разбиваются..

АЛЯ. Да большинство что разбиваются!

ПЕТР. Не разбиваются...

АЛЯ. Разбиваются, разбиваются.

ПЕТР. Не слетать, а улететь я хочу...

АЛЯ. *(трясет половик.)* Ну да?

ПЕТР. Пора уж.

АЛЯ. Ну, счастливого полета. *(Вдруг.)* «Мы прибыли в станцию нашего назначения - аэропорт! Всем встречающим - удачных встреч и деловых контактов, всем взлетающим - мягкой посадки и хороших покупок, а всем провожающим - хорошего настроения на долгие годы! Улыбайтесь друг другу, товарищи, улыбайтесь! Доброта и улыбки присущи людям!...»

Хлопнула дверь, ушла к себе в комнату. Упала на кровать, плачет.

Петр курит, стоит на крылечке.

Открывается дверь Вариной комнаты. Выходит Варя в халате, на голове полотенце, в руках - полиэтиленовый пакет, в нем какое-то шмотье.

ВАРЯ. *(машет пакетом, Петру, тонким голосом.)* Петрик! Петрик!

ПЕТР. Что тебе, Варварчик?

ВАРЯ. Я иду мыться! Ку-ку! Петрик! Иду к тебе!

Пошла вниз по лестнице, но остановилась, потому что Петр, глядя на нее, снизу вверх, вдруг начинает хохотать.

Сначала тихо, а потом сильнее, громче, дурнее. Упал на клумбу, перевернулся на спину, мнет желтые ноготки и хохочет, хохочет...

Варя прижалась к двери своей квартиры, молчит.

ПЕТР. Как ты, говоришь, в молодости представлялась мужикам? Забыл я, как, а? Ева... Ева - как? Ну? Ева... Ева?

ВАРЯ. Ева Браун...

ПЕТР. *(хохочет.)* А зачем, скажи? Зачем, ну?

ВАРЯ. Так интереснее... Придумала себе такое имя... Хотела даже паспорт поменять... Петрик, а, Петрик?

ПЕТР. Паспорт?! Паспорт?! Ева Браун? Ева?! Ева Браун?! Ева?! Ева Браун?!

ВАРЯ. Красиво... Красиво... *(Бормочет.)* Ева Браун... Ева Браун...

ПЕТР. Умру сейчас... Умру... *(Хохочет, катается по клумбе.)*

Где-то далеко играет музыка.

ВАРЯ. Тихо ты, тихо... Не надо так... Не смейся... С ума сошел... Ну?

ПЕТР. Не могу... Не могу я... До слез довела... Ева Браун! Ева Браун! Не могу, не могу...

ВАРЯ. Не надо!!! Не надо!!! Не смейся!!! Петенька, не надо... Я боюсь! Мне страшно!!! Мне страшно!!! Не надо!!!

Петр хохочет, Варя прижалась к двери, обезумевшими глазами смотрит на него.

Летит мимо окон поезд. Летит издали, накатывает, завывает. Пронзительный грохот.

Прошел поезд. Петр сел на землю, взял в зубы травинку, смотрит на Варю с улыбкой.

ПЕТР. Эй, Варька! Ева Браун! Слышишь?

ВАРЯ. Ну, чего? Напугал как...

Привела себя в порядок, пошла вниз по ступенькам

ПЕТР. Стоять там! Не двигаться, сказал! Ну?!

ВАРЯ. *(остановилась, с улыбкой.)* Ну, чего тебе? Чего опять?

ПЕТР. Варька, любишь ты меня? Скажи честно, ну? Любишь?

ВАРЯ. А то ты не знаешь...

ПЕТР. Скажи громко. Видишь, весь «восьмиквартирный» к занавескам прижался, спрятался, ждут, когда ты скажешь громко, во всю мочь, когда ты ответишь мне... Слышишь?! Притаились, наблюдают, крысы... Доставь ты им праздник... Ну, заори, что любишь, что любишь - заори во всю, ну?!

ВАРЯ. Ну ладно тебе... Разыгрался, не остановишь, смотри-ка...

ПЕТР. Заори, сказал!

ВАРЯ. Да люблю, Петрик, люблю тебя! Ну?

ПЕТР. А еще громче! Ну?!

ВАРЯ. Люблю! Так бы и полетела куда!

ПЕТР. Смотри, легчица, не упади отсюда... А ну, давай, Ева Браун, раз ты меня так любишь - меня, убийцу, зэка, тюремщика! - а ну, давай, для меня сделай, что попрошу! Ну?

ВАРЯ. Что сделать-то?

ПЕТР. А ну пройди до кочегарки голая. Ну?! На виду у всех! Они ведь смотрят, ждут... И я жду, чтобы ты мне доказала, что ты не кошка какая-нибудь, а с серьезными намерениями... Ну?

ВАРЯ. Ну ладно, ладно, хватит же.. Что ты, как дурак выхваляешься? Перед кем выхваляешься? Ну?

ПЕТР. Насчет дурака поговорим с тобой потом, отдельно... Ответишь мне еще... А сейчас - делай, что сказал! Быстро, ну?!

ВАРЯ. Ладно, ладно, хватит, ерундой занимаешься...

Пошла вниз.

ПЕТР. *(вскочил с земли, тихо, серьезно.)* Стоять, девушка... Стоять, курвочка... Кому сказал, ну?! Стоять... Стоять... Делай, что тебе приказывают... Быстро делай или я тебе сейчас... Ну?! Ты ведь знаешь, что я шутить не люблю... Давай!!!

ВАРЯ. Брось, брось, ну, брось, не надо, чего ты, не надо...

ПЕТР. Кому сказано?!

ВАРЯ. Ну не надо, не надо...

ПЕТР. Я жду. Раз. Два...

Варя раздевается.

Три. Теперь иди сюда...

Хохочет во всю глотку, со слезами:

Эй, вы, смотрите, ну?! Видали, как меня любят? Я еще человек! Вы думали, что вы меня в баранку скрутили, думали - меня растоптали, а еще - человек! Я еще поживу! Ради меня вот что бабы делают! А вы думали - меня уже нет, да? А я есть, я живой, я еще триста лет буду жить, кровь вам портить, сволочи! Иди, Варька, иди, пусть все видят, что ты для меня делаешь! Не для кого-то там, а для меня! Ни для кого бы не сделала, а для меня делаешь такое, делаешь, делаешь, делаешь!!! Иди, иди, иди, иди! Плыли три дощечки! Иди, Варька, не бойся, я тебя никому в обиду не дам, никому! Не бойся, иди быстрее! Пусть все видят! Скоты, смотрите! Всех вас, скоты, ненавижу, всех поубивать готов, башкой об стенку, всех, всех, всех!!! Иди, иди, иди, иди!!!!

Варя спустилась с лестницы. Промчался мимо поезда. Варя прячет лицо руками. Рванула в кочегарку. Закрывает за собой двери, плачет, ругается. Петр хохочет.

ПЕТР. *(сел на скамейку, смеется через силу.)* Вот так вот вам... Вот так вот вам... Вот так... И никак больше. Вот так, так, так, так вот, так, так!!!! Дражайшая моя половина...

ВАРЯ. *(кричит из кочегарки.)* Принеси мне одежду! Ну? Кому сказала?! Сволочь ты, Петрик... Татарин ты! Тюрьма твоя мама! Вот так! Бесстыдник ты! Неси одежду, кому сказала, ну?!

Петр, посмеиваясь, встал. Как пьяный, качается из стороны в сторону. Взял пакет с бельем двумя пальцами, брезгливо кинул в дверь кочегарки. Снова сел на лавочку, смеется.

ПЕТР. Концерт.... Бесплатный, зараза.... Смотри - не хочу....

ВАРЯ. *(кричит.)* Манекен чертов! Кишмиш с говном! Татарин! Татарская рожа твоя! Паразит ты! Иди спину потри, ну? Петрик, слышишь?

ПЕТР. Сейчас...

Варя в кочегарке открыла краны, шумит вода. Петр подходит к окну Али, стучит в него.

(Шепотом.) Алевтина... Алевтина... Слышишь, Алевтина?!

Аля выглянула в окно.

АЛЯ. Чего?

ПЕТР. Я приду к тебе сегодня ночью?

АЛЯ. Есть у тебя к кому ходить. К ней иди.

ВАРЯ. Ну, слышишь, нет? Спинку потри, сказала, потри, эй, Петрик, ну? *(Что-то напевает, плещется водой.)*

АЛЯ. Зовет.

ПЕТР. Да ну ее, дуру... К тебе приду. К тебе...

АЛЯ. Я перед тобой голая ходить не буду...

ПЕТР. *(улыбается.)* Будешь... Будешь...

АЛЯ. Не буду...

ПЕТР. Будешь... Будешь... Куда ты денешься... Будешь....

АЛЯ. И смеха твоего не боюсь... Манекен... не боюсь, слышишь?! Иди вон, зовут тебя... Иди, иди...

ПЕТР. Будешь... Будешь... Будешь...

АЛЯ. Не буду... Не дождешься... Не буду...

ПЕТР. Приду ночью, приду...

АЛЯ. Я окна недавно вставила, зачем мне снова морока с ними...

ПЕТР. Будешь... Будешь...

АЛЯ. Не буду... Не буду...

ПЕТР. Будешь... Будешь...

АЛЯ. Не буду...

ПЕТР. Будешь...

Идет поезд, грохочет.

ТЕМНОТА

Четвертая картина.

Ночь. Варя сидит на постели. Петр лежит на кровати.

ВАРЯ.... Вот на той березе он и повесился. Страшно так было... Голову задрал высоко-высоко, мне так и не сделать, не показать тебе, ага... Сам в белой-белой рубашке, черные штаны такие, отутюженные со стрелками... И сам длинный-длинный, высокий, худой-худой. Зеленые листья, а в них человек висит... Как же ему страшно, наверное, было. К смерти готовиться страшно было. Ведь ему же надо было рубашку постирать, брюки погладить, ремень приготовить. Это он, наверное, был уже не в своем уме. А если он все соображал? Как же ему, бедному, страшно было... Я у матери спрашивала потом: «Мама, а за что его звали «Леня-Лида»?» Она мне тогда сказала: «Не вспоминай его, доченька. Люди виноваты. А он - несчастный он был человек... Его душа до конца веков будет по земле бродить...» Так и сказала: бродить. Вот я с тех пор и боюсь. В окошко кто стукнет - я пугаюсь до смерти. Отец, правда, тот сук спилил потом. Ну, на котором «Леня-Лида» повесился. *(Пауза. Смотрит в окно, очень тихо:)* Во-он кладбище. Мамка и папка - во-о-он...

Очень долго молчит.

У Вари на стене висит вымпел «Победитель социалистического соревнования.»

Варя встала. Прошла по комнате, не включая света. Поправила вымпел.

(Стоит у окна.) Была у него баба или нет - не знаю. Наверное, не было. Мальчик он, наверное, был. Не мужчина. Звали его «Леня-Лида» потому, что он тонким голосом говорил. **Саша.** Разговаривал так, пискляво чуть-чуть. Дураки люди. А Алька в него была влюбленная - до смерти. Молодая, больше не на кого кинуться ей было, вот и... Да они один раз всего-то и разговаривали друг с другом... Он про ее любовь и не знал, поди, ничего. Знал бы, так не сделал бы такого, думаю... Это она потом уже такого напридумывала, что и на голову не наденешь, ну, после его смерти... Только одно слово скажи про «Леню-Лиду» - так как собака кидается... Ненормальный он был, короче говоря, да и она - дура... *(Пауза.)* А что ты им все интересуешься? Тебе зачем? Ну, повесился и повесился... Бог с ним, как говорится... Это когда было-то... А? Почему, а? Ну?

Петр курит, молчит. Смотрит в потолок.

ПЕТР. Так просто.. Больше же разговаривать не о чем.

ВАРЯ. *(легла рядом.)* Ну уж, не о чем... Поговорим об чем-нибудь... Поговорим... *(Тихо.)* Ну, скажи мне честно, гриб поганый, зачем сегодня так со мной сделал? Ну? Зачем ты меня сегодня так перепугал, ну?

ПЕТР. Твою любовь проверял....

ВАРЯ. Не ври...

ПЕТР. Проверял, да. А то на словах вы все говорливые, а вот сделать чего-нибудь...

ВАРЯ. Не ври. Любовь так не проверяется...

ПЕТР. Проверяется...

ВАРЯ. А ты на любви, гляжу, зубы проел? Да?

ПЕТР. Проел.

ВАРЯ. Не бросишь меня? Скажи правду - не бросишь? Не оставишь меня, нет? Не оставь меня, а? Петя, Петрик... Давай вместе, а?

ПЕТР. Отстань. Не надоело тебе одно и тоже спрашивать?

ВАРЯ. Не брось меня. Не брось. Мне тогда, как «Лене-Лиде» одна дорога - вон туда...

ПЕТР. Не пугай. Выживешь. Я что - первый и последний?

ВАРЯ. Как это?

ПЕТР. Не пугай...

ВАРЯ. Боюсь я, что татарка нас сурочит, сглазит... Боюсь! Так смотрит, так зыркает. Не пойдешь больше к ней?

ПЕТР. Пойду.

ВАРЯ. А? Чего?

ПЕТР. В кочегарку пойду, говорю. Проверю, как там...

ВАРЯ. Да? Только быстренько приходи.. Иди... Или давай, я с тобой пойду тоже, а?

ПЕТР. Лежи! Лежи, сказал... Без провожатых обойдусь... Сказал - сейчас, значит - сейчас...

Одевается, выходит на лестницу.

Варя лежит в постели.

Петр курит. Залез на крышу. Посмотрел вокруг. Где-то играет музыка. Идет поезд. Петр спустился вниз. Постучал Алевтине в двери. Та будто ждала - сразу открыла.

Стоят друг против друга

ПЕТР. Пусти.

АЛЯ. Зачем?

ПЕТР. Поговорим напоследок.

АЛЯ. Уже поехал?

ПЕТР. Уже поехал. Пусти.

АЛЯ. Я же сказала тебе: счастливого пути. Чего надо еще-то?

ПЕТР. Пусти.

Проходит в комнату. Аля стоит на пороге, вытирает слезы. Идет к нему.

МОЛЧАНИЕ.

ТИШИНА

Петр сидит за столом. Аля стоит посредине комнаты.

На танцах в клубе играет музыка.

Варя набросила халат, бесшумно спускается по лестнице. Приникла к окну Алевтины.

Села на ступеньки. Плачет. Пошла вниз, зажимая рот. Прошла к березам, обнимает их, беззвучно плачет.

ТЕМНОТА.

Пятая картина.

Раннее утро.

Петр поднимается по лестнице в квартиру Вари. Открывает двери, входит. Ищет свои вещи, собирает их.

Варя вышла из-за шифоньера. Не спала всю ночь, не раздевалась. Смотрит горячими глазами на Петра.

ПЕТР. Чего не спишь?

ВАРЯ. Не спится вот.

ПЕТР. А ты иди спать. Люди должны спать по утрам. А ты не спишь. Здоровье себе попортишь.

ВАРЯ. Не будет ничего с моим здоровьем.

ПЕТР. Поберечь себя надо. Не раскидываться....

ВАРЯ. Голой по улице не ходить, так ведь, да?

ПЕТР. И голой по улице не надо никогда ходить...

ВАРЯ. А ты чего себя не бережешь?

ПЕТР. А я себя берегу..

ВАРЯ. А что ж не спишь по ночам?

ПЕТР. Сплю я по ночам.

ВАРЯ. Где ж ты спал сегодня?

ПЕТР. В кочегарке я спал. Работал там, а потом и заснул у печки.

ВАРЯ. Теплая печка?

ПЕТР. Теплая печка. Теплая. Аж обжигает.

ВАРЯ. Смотри, чтоб волдыри не появились бы у тебя на теле-то... Обожжет печка и будешь ходить с волдырями...

ПЕТР. Не буду. Авось, как-нибудь, пронесет... На фу-фу.

Варя забрала чемодан, спрятала за себя.

А ну, дай сюда..

ВАРЯ. Зачем тебе?

ПЕТР. Надо.

ВАРЯ. Не надо тебе. Ничего тебе не надо.

ПЕТР. Дай сюда, сказал.

ВАРЯ. Вещички-то тебе зачем? Пусть лежат.

ПЕТР. А я их туда отнесу.

ВАРЯ. Куда ты их отнесешь?

ПЕТР. В кочегарку и отнесу.

ВАРЯ. Да зачем это?

ПЕТР. А чего они тут раскиданы?

ВАРЯ. Ничего они не раскиданы. Я их сейчас в шифонерчик приберу. Все сложу, как надо. Все будет лежать по полочкам. Зачем ж их в кочегарку. И вещичек у тебя тут мало. Они мне не мешают. Пусть у меня и лежат. Зачем их туда?

ПЕТР. Дай сюда.

Забрал чемодан, достал из него костюм. Переодевается. Варя смотрит на него.

ВАРЯ. И не стесняется уже ничего. При мне уже переодевается. Даже так теперь можно, ага?

ПЕТР. А почему нельзя? То ты передо мной ходила голая, а теперь - я перед тобой...

ВАРЯ. А я и не видела, что у тебя все тело-то в наколках... Ночью-то темно, а тут - видно...

ПЕТР. Ну, посмотри мою выставку, мой иконостас, посмотри, раз не видела, посмотри, какой я зэк натуральный! *(Смеется.)* Ленин, Сталин, русалка, якорь... Ну?

ВАРЯ. К ней пойдешь, значит, к татарке, да? Ясно...

ПЕТР. Куда мне надо, туда и пойду...

ВАРЯ. Татарка, значит, лучше меня. Не стыдно? Или ты решил с двумя сразу дело провернуть? С двумя дурами? Проверить, какая лучше, а уж потом после этого и определяться, с какой жить, да? Ну и что она, лучше меня, да? Неужели так оголодал в своей тюрьме, что тебе одной меня мало уже? Или я уже совсем к жизни непригодная? К татарке пойдешь? К татарке, да? К ней, да?

ПЕТР. Ладно. Помолчи.

ВАРЯ. А ты не командуй, не командуй тут. Неужто она лучше, неужто лучше?

ПЕТР. *(смеется.)* Все вы одинаковы...

ВАРЯ. Вон ты как заговорил? А кто для тебя на виду у всех раздевался? Кому ты приказывал раздеваться? Мне или ей? Я позорилась для тебя, а ты? Она ведь для тебя так не сделает, как я, не сделает! Я позора не боюсь, а она - другое дело, понял? Не понял ты, что ли?

ПЕТР. Все одинаковы. Все - не то. Не то все. Не то. Не то.

Надел пиджак, натянул кепку на голову, галстук на шею, взял в руки чемодан.

ВАРЯ. А галстук зачем? Сначала свататься пойдешь?

ПЕТР. Свататься, свататься.

ВАРЯ. Куда это свататься? К кому это свататься?

ПЕТР. Будь здорова. Пусти.

ВАРЯ. Не пущу.

ПЕТР. Пусти.

ВАРЯ. Не пущу. Стой, Петенька, стой! Останься, Петенька, со мной, останься! Я для тебя на все согласна! Ну? Или - иди, ладно. Ладно. Живи с ней и со мной... Я даже так разрешаю... Только не уходи от меня, Петенька, не уходи, не уходи... Я разрешаю тебе...

ПЕТР. Стыдно, Варя. Что говоришь-то? Человек ведь ты, не кошка? Ну?

ВАРЯ. Не пущу.

ПЕТР. Пусти.

Толкнул легонько Варю, вышел на лестницу, пошел вниз.

Аля вышла из своей квартиры. Все слышала. Стоит, смотрит на Петра. Открыла ему двери.

Петр подошел, встал против Али, Варя завопила:

ВАРЯ. Люди-и! Да что же это такое?! Грабят среди бела дня! Грабят! Русского человека грабят татары! Из-под носа уводят! Да я тебе сейчас окна расколошматю! Слышишь, ты, татарка?!

Схватила палку, размахнулась, чтобы ударить по окнам Али.

Но тут Петр вдруг резко повернулся, пошел прочь от дома, на железнодорожные пути.

Остановился, поставил ногу на рельсу, оглянулся, посмотрел на Алю и Варю.

АЛЯ. Ты куда это?

ВАРЯ. Куда пошел-то?

АЛЯ. Куда уходишь, Петя? А зачем же тогда...

ВАРЯ. (испуганно.) Эй, куда ты...

АЛЯ. Стой, ты чего...

А Петр бросил папиросу и быстро пошел по рельсам.

Варя бежит за Петром. Спотыкается, падает, снова поднимается, бежит за ним.

ВАРЯ. Э-э-э, куда это ты? Куда пошел? Татарка вон где живет, а не там... Куда ты... А ну, вернись давай... К татарке иди, ты же к ней собирался.... Ну?!

Аля с кошкой в руках тоже бежит к железной дороге. Испуганно зовет Петра:

АЛЯ. Петя, Петя, куда ты пошел... Ты чего это?

ПЕТР. (идет в перед.) Пошла! Пошла! Пошла! Идите обе! Пошли отсюда!..

Аля бежит с одной стороны дороги, а Варя с другой, бегут, зовут Петра.

ВАРЯ. Куда ты пошел, куда? Чего тебе надо там? Чего ты ищешь еще? Постой, останься, миленький мой... Ты чего, с ума сошел, что ли? Куда тебя черти несут, чего тебе там надо?

АЛЯ. Постой, Петенька, подожди... Давай, сядем, подумаем все хорошенько, все хорошенько подумаем, решим сначала, а потом и иди, если тебе надо так... Только не

торопись, надо решить, что и как сделать... Не уходи только сразу, Петенька... Нельзя так нас бросать....

ВАРЯ. Что же ты нас бросаешь? Куда же ты идешь? Там ведь смерть твоя ходит, смерть твоя тебя там дожидается, ты чего?

АЛЯ. Не ходи, Петенька, не ходи. Ты там сразу погибнешь, пропадешь, ты ведь один не сумеешь, Петенька... Куда тебе надо еще идти? Дома у тебя нету, что ли? Идти тебе некуда, что ли? Куда ты, Петенька? А? Милый мой, погоди, не спеши, не спеши так погоди...

ПЕТР. Пошли! Пошли! Пошли от меня! Пошли! Пошли!

АЛЯ. Постой, миленький, не уходи, чего тебе надо еще? Чего тебе не хватает у нас?

ВАРЯ. *(бежит.)* Убьют тебя там, слышишь? Стой, остановись, миленький, останься, прошу, слышишь?!

АЛЯ. Постой, Петенька, не уходи, не надо, прошу тебя, не надо, Петенька...

ВАРЯ. Постой, миленький, постой, не уходи...

АЛЯ. Постой, не уходи, останься...

ВАРЯ. Останься, останься... Не уходи...

АЛЯ. Не уходи....

ВАРЯ. Останься....

ПЕТР. *(идет по рельсам, упирающимся в солнце, весело хохочет, кричит.)* Пошли! Пошли!! Пошли!!!! Пошли!!! Пошли!!!!...

Женщины остановились.

Смотрят ему вслед.

Проехал автобус, осыпал их пылью.

Постояли, постояли, потом, не сговариваясь, круто развернулись и побежали к своему дому. Взлетели по лестнице на крышу. Смотрят на Петра, который вот-вот исчезнет, вот-вот скроется из виду, вот-вот превратится в точку, в точку на горизонте...

Стоят, плачут, смотрят ему вслед.

Все ждут, чтобы он обернулся.

Нет.

Не оборачивается. Не оборачивается... Уходит.

ВАРЯ. *(шепотом.)* Не ходи-и...

АЛЯ. *(шепотом.)* Останься-а...

ВАРЯ. Не ходи...

АЛЯ. Останься...

Петр идет по рельсам.

Исчез из виду.

Аля и Варя стоят на крыше, смотрят за горизонт.

ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

*г. Свердловск
март 1990 года*